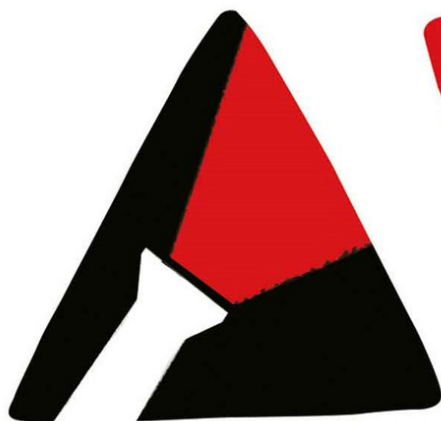

Мари-Од Мюрай

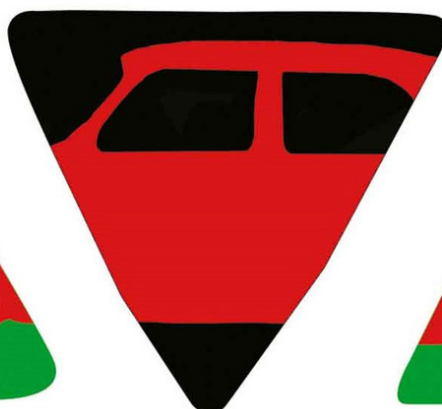
КРОВАВО-

КРАСНАЯ

МАШИНКА

Секретер

Мари-Од Мюрай

Кроваво-красная машинка

«Самокат»

1991

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

Мюрай М.

Кроваво-красная машинка / М. Мюрай — «Самокат»,
1991 — (Секретер)

ISBN 978-5-91759-891-8

Нильсу 13 лет, он живет с дедушкой и не помнит своих родителей. Но однажды он решает забраться на чердак, хранящий страшные тайны. Или нет, постойте, Нильсу 3 года! Он помнит маму и папу, и помнит, почему они погибли, и почти помнит убийцу... Нет, Нильсу 34, он профессор Сорбонны, специалист по этрускам. А еще он специалист по загадкам и ловушкам нашей памяти. Чтобы разгадать тайну, совершенно необязательно искать улики — надо всего лишь найти потерянную запись воспоминаний, где уже есть и всегда был ответ. Эта книга — первый детектив о Нильсе Азаре, профессоре истории и искателе загадок. Впереди — еще 6 увлекательных и психологически тонких расследований, написанных одной из самых известных французских писательниц современности — Мари-Од Мюрай («Oh, boy!», «Умник», «Спаситель и сын», «Мисс Черити»). 4 причины прочитать: • Серия о детективе Нильсе Азаре очень популярна во Франции — всего в серии вышло 7 книг, в каждой из них детектив и его подруга Кэтрин Рок расследуют преступления, которые связаны и с темой психотерапии, поисками ответа в себе, памяти как тайны. • Психологичность — особенность всех романов Мари-Од Мюрай. Как всегда, в ее книгах, тема отношений людей, семьи, поиска нравственных ориентиров — ключевая. • У детектива Нильса Азара говорящее имя и фамилия (Niels Hazard – «никаких случайностей», случайности не случайны). • Нильс Азар профессор-этрусколог, исследователь культуры этрусков. Эта культура до сих пор заметна и в нашей современной жизни, мы унаследовали у этрусков многое в языке, культуре, символах и образах. И эта тема появляется и раскрывается во всех детективах серии.

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-91759-891-8

© Мюрай М., 1991

© Самокат, 1991

Содержание

Письмо Нильса Азара Катрин Рок	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мари-Од Мюрай

Кроваво-красная машинка

Алену Ланаверу, моему преподу

Marie-Aude Murail © Claude Riva

Original title: Nils Hazard dans Dinky rouge sang

Text by Marie-Aude Murail

© 1991 l'école des loisirs, Paris

© Савосин Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

Письмо Нильса Азара Катрин Рок

Париж, 12 декабря 1990 года

Дорогая Катрин, если вы читаете эти строки, – значит, меня уже нет в живых и нотариус передал вам коричневый конверт. Казалось бы, ничто не предвещает моего преждевременного ухода из жизни. Мне тридцать четыре, здоровье превосходное, а должность преподавателя истории в Сорбонне не относится к профессиям группы риска. Но тот, кто знает, всегда в опасности. Мне одному известно имя человека, совершившего два убийства, и это двойное преступление так и осталось безнаказанным.

Наши самые драгоценные воспоминания, Катрин, – та память первых лет жизни, что могла бы рассказать нам о том, кто мы есть и кем станем, – стираются с той же легкостью, что и запись с магнитной ленты. И потому трехлетний преступник, став взрослым, ничего не вспомнит и будет признан невиновным, и даже сам будет так думать. Но со мной все было иначе. Запись стерлась не полностью. С самого детства меня преследовал один и тот же сон, и до моих тринадцати лет он упорно твердил мне: «Ты виновен – виновен!»

Мальши один стоит на лужайке. Он совсем крошка, этот ребенок, он слишком мал, чтобы оставлять его без присмотра. На аллее, там, где кончается лужайка, припаркован красный автомобиль. Спортивный, цвета крови. Капот открыт. С того места, где стоит мальши, видны только ноги человека, чье туловище проглочено разверстым зевом машины. Тут я слышу, как от чьих-то шагов скрипит гравий – так отчетливо, будто на фонограмме кинофильма. Ребенок оборачивается.

– До свидания, – говорит женщина, – мы уезжаем ненадолго...

– Поторапливайся, Мята, – говорит мужчина, – ох уж эти капризы.

Мужчина, может быть, сказал: «Ему грустно» или даже «Он в ярости», – но сказал ли что-нибудь ребенок? А ведь ему есть что сказать, и это что-то важное. Машина отъезжает, и у мальши словно вся кровь отхлынула от сердца. «Не плачь, – говорит голос за кадром, – завтра они вернутся».

– Дедушка!

Я кричу, просыпаясь от этого сна. Ко мне в комнату входит старая дама и сразу включает верхний свет.

– Тихо ты! Сам знаешь: у твоего дедушки больное сердце. Так пугать его среди ночи...

Я вытираю вспотевшие руки о простыни и пытаюсь объяснить ей:

– Мне надо ему это сказать. Если я не скажу...

– Если не скажешь что?

За мгновение до этого я знал, что должен сказать. Но вот сейчас меня спросили, а слова растаяли прямо на языке.

– Я должен сказать тому человеку...

– Какому еще человеку?

Я рассмотрел его лицо, нос, рот, глаза. Он сказал: «Поторапливайся, Мята...» Я пристально взгляделся в него, и я его УЗНАЛ! А сейчас не могу даже сказать, старый он был или молодой. Но память еще хранила его облик, и мне казалось, что я могу его описать:

– Ну... он такой высокий.

Или он только показался высоким ребенку? Я покачал головой:

– Нет, ничего.

Повзрослев, я утратил привычку звать на помощь, когда мне снился этот кошмар. Я душил крик, кусая подушку. На тринадцатом году жизни мне пришла мысль перед сном оставлять рядом карандаш и лист бумаги – чтобы успеть тут же записать детали, которые удастся запомнить. Если прежде я опасался этого сна, то в конце концов стал с нетерпением ждать его. Я восстановил его за два месяца – таким, каким сейчас записал. Но тщетно я мучил собственную психику – заполнить пустоты никак не удавалось. И все-таки я был уверен – еще за секунду до пробуждения я ЗНАЛ.

Живи я в обычной семье, скорее всего, этот кошмар унесли бы годы или пришлось бы обратиться к врачу. Но я общался только со стариком и его женой – моим дедушкой и его второй супругой – первая, Люсиль Азар, умерла во время войны. А эта, вторая жена, Марта, говорила о дедушке, как говорят об умирающем. Но ведь он еще вполне бодро двигался – правда, с помощью трости, которой энергично стучал об пол – тук, тук. У него были длинные седые волосы, сзади прикрывавшие шею, и он всегда носил черный бархатный костюм и под ним жилетку. Все вместе придавало ему слегка неряшливый «артистический» облик.

Дедушка называл меня Нильсом. Надо полагать, таково было мое имя. Нильс Азар – сирота; матери нет, отец неизвестен. Меня проинформировали скупно:

– Мы не знаем, кто твой отец. А мать умерла, как только ты родился.

Любой ребенок спросил бы: где, как, почему? Я не спросил ни о чем. Когда дедушка заговаривал со мной, в его голосе сквозило что-то неприязненное. На самом-то деле он был человек не злой. Легко исполнял мои просьбы. Например, когда я спросил его, можно ли мне поучиться музыке...

– Чудесно, – ответил он, – на пианино.

– Я предпочел бы какой-нибудь струнный инструмент, – ответил я, с радостью увидев, что ему это нравится, – например, скрип...

– Никогда! – закричал он.

– Твое сердце! – завопила Марта с преувеличенным ужасом.

Дедушка сел, состроив гримасу:

– Никогда, – повторил он, – никаких тебе скрип... струнных инструментов – в руках у начинающих это несносно.

Что ж, я согласился посещать уроки пианино, сказав себе, что у меня еще будет время поучиться и игре на скрипке. Сложись моя жизнь по-другому, я несомненно стал бы блестящим пианистом. Мои успехи так изумили преподавателя, что он даже лично поздравил с ними дедушку:

– Должно быть, это у него в крови, – попытался он сказать любезность.

– Определенно нет, – ответил дедушка так, будто его обидели.

Марта и вовсе не оценила моих талантов и жаловалась, что гаммы бьют ее по голове точно молоточком.

– Он занимается, – отвечал ей дедушка. – А пока занимается, не наделает глупостей.

Слова старого идиота. Почему же мне слышалось совсем другое? Ненависть окружающих наполняла мои вены, точно я лежал под капельницей. Я был виновен и знал это. Но в чем?

Мы жили в квартале Марэ, на улице Ботрейи. Наше убогое обиталище состояло из двух тесных квартирок, соединенных винтовой лестницей. Дедушка с женой жили на пятом этаже, я – на шестом. Что казалось вполне сообразным моему положению: в собственной семье я был кем-то вроде квартиранта. Под нами проживала пара портных, их фамилия была Фаржоль. Она шила крестильные рубашки, он – кроил саваны. Я никак не могу вспомнить лица той женщины, хотя она каждый день поднималась к нам – поболтать с Мартой. Но знаю, что ее мужа звали Андре, Андре Фаржоль. Память кажется капризной механикой, Катрин, но у нее

есть свои внутренние законы. Если бы того мужчину звали Мишель, его имя не впечаталось бы в мою память.

Над нами не жил никто – но лестница еще продолжалась на несколько ступенек вверх и внезапно поворачивала. Однажды я удовлетворил свое любопытство: на верхней лестничной площадке была дверь, запертая на висячий замок.

– Чердак, – сказал дедушка тем безапелляционным тоном, каким приказывал мне замолчать.

Сколько всяких страшных историй, которые рассказывают детям, могло вовсе не случиться, если бы там не фигурировала запертая дверь. Дверь на чердак подстегнула мое воображение.

Мне было тринадцать лет – и вот однажды ночью, когда я, вооружившись карманным фонариком, старался уловить только что приснившийся сон, мне вдруг послышался какой-то шум с чердака. Я так и не смог определить, откуда именно, потому что шум перемещался.

Я вспомнил игру, в которую играл, когда мне было шесть или семь. В нашей квартире очень покатые полы, и когда я клал стальной шарик в угол комнаты, он перекатывался в противоположный угол сам по себе. З-з-з-з. Это был звук катящегося шарика. Я привстал в постели, выпрямился. Звук прекратился. Я снова лег. З-з-з-з. Шарик катился. Несмотря на весь ужас, какой внушали мне слово «чердак» и вид громадного замка, именно в ту ночь я принял решение. Я переступлю этот порог. Меня призывало туда нечто, или, точнее, некто. Ведь не мог же шарик катиться сам по себе. С тех пор я караулил каждый звук, доносившийся с чердака. Никто даже представить не может, сколько таких неслышных стуков и вздохов скрывает ночь, она одушевленное дна для того, кто не спит. В моей спальне рождались призраки. Мимо проплывали существа, которые утром оказывались лишь занавесками, одеждой или стопками книг. Но звука катящегося шарика я не слышал больше никогда.

Ключ дедушка носил на шее. Несколько раз, когда дедушка выходил, только что умывшись и не успев надеть рубашку, я видел ключ у него под майкой. Он болтался на простой нитке. Его можно было отрезать одним взмахом ножниц. А ножницы в моей старой школьной готовальне имелись.

Так я оказался среди ночи в изножье кровати, на которой спали Марта и ее муж. Сквозь просветы ставен в комнату проникали уличные огни, и я смотрел на этих двух стариков, простертых рядом друг с другом, неподвижных как надгробия. Они умерли, глупо подумал я. Вздох слетел с дедушкиных губ. Ни мертвые, ни живые, снова подумалось мне, они во власти снов. Дедушке снится, как убийца подходит к его изголовью, раскрывая ужасные ножницы. Его взор блуждает по горлу жертвы, и вот... я потихоньку опускаю руку. Вот она, жизнь дедушки, висит на ниточке; а моя заперта на ключ. И я снова подношу к нему ножницы. Тут первой успевает проснуться Марта и кричит по-птичьи. Дедушкин взгляд испуганно блуждает. Вид у обоих жалкий.

– Чудовище! – орет Марта. – Чудовище!

Конечно, мне не следовало брать острые ножницы из корзинки для шитья. Но своих, с закругленными кончиками из школьной готовальни, я не нашел. Я хотел сказать дедушке, что мне просто нужен ключ, и, подыскивая слова, все смотрел на его шею – видя, как в яремной вене пульсирует кровь.

– Чудовище, – разрыдалась Марта.

Нужно было сказать хоть что-нибудь, я должен был сказать, но слова растаяли прямо у меня на языке. Я опять оказался в своей комнатке, почти лишившись дара речи. Похожий на малыша из того самого сна, Катрин, и тоже виновный, как и он.

Никакого объяснения между нами не было. Они боялись меня – а я боялся их страха. На следующий же день Марта убрала в какие-то закрома все ножи и вечером заперла дверь

спальни на засов. А мне понравилось чувствовать себя отверженным. Теперь ночь и вправду становилась моим царством.

В тот же вечер я взгромоздил стул на столик и, вскарабкавшись по этой постройке, принялся негромко стучать в потолок. Осыпалось немного штукатурки, я поскреб и обнаружил планку перекрытия. А если там, наверху, кто-то был, – слышал ли он мое дыхание? На следующий день я купил швейцарский нож.

Отныне каждый день с помощью ножа я соскребал с потолка немного гипса, который потом смахивал в картонную коробочку и спускался к мусоропроводу. Никто не покушался на мою территорию. Я мог спокойно продельвать свою работу. От того, что мне удавалось обнажать пол верхнего этажа, мной овладевало прекрасное и возрастающее умиротворение. Руки кровоточили, строительный мусор колот горло, ослеплял, попадая в глаза. Но я хоть понимал, ради чего страдаю. Мое упорство было вознаграждено через пару недель: я различил на потолке очертания люка. Этот люк преодолеть было легче, чем дверь с амбарным замком.

Самым трудным было доскрести до появления зазора в полсантиметра – люком уже давно не пользовались. Когда мне это удалось, я просунул туда свою железную линейку, чтобы зафиксировать отверстие. Доски наверху затрещали. Что ж, последний толчок плечом, решающее «ух!», и... люк раскрылся вверх. А я до того удивился, что по-глупому дал ему снова закрыться, и крышка чуть не пришибла меня.

Думаю, в ту ночь я пережил то же чувство, что и археолог-любитель Реголини на пороге гробницы принцессы Ларции, когда столь темное, столь скрытое настоящее вот-вот встретится с прошлым и ярко им озарится. Я начал лихорадочно готовиться к экспедиции. У меня был рюкзак для скаутских прогулок. Я сунул туда провиант – виноград и шоколад, полную флягу воды, пуловер, кое-какие инструменты, бортовой журнал, компас, небольшой несессер на всякий случай и карманный фонарик. Обулся как надо для путешествий и надел мягкую, но теплую одежду. Меня беспокоило только одно: а вдруг чердак обитаем?

Я второй раз поднажал на крышку люка, потом окинул спальню последним взглядом, не уверенный, что когда-нибудь в нее вернусь, и уцепился за кромку люка, чтобы подтянуться на руках. Локоть, потом другой локоть; колено, потом другое колено. Вот я и там.

Она – вот первое, что я там увидел, и моим первым порывом было крепко ее обнять. Это была прислоненная к стене виолончель со смычком. Все вокруг тонуло в бледном лунном сиянии. У меня было чувство, что я обнимаю близкого родственника. Подняв голову, я заметил фотографию, висевшую на стене, – портрет молодого человека в ореоле искусственного света. Из-за горькой улыбки и необычно пристального взгляда он сразу показался мне неприятным. Я включил карманный фонарик. Из темноты вдруг выскочила деревянная лошадка, глупая коняшка с нарисованными глазами, со слишком человеческой мордочкой. Я шагнул вперед и едва не упал. З-з-з-з. Это я наступил на стальной шарик. Крак. Он покатился далеко от обследуемой мною территории, закатившись за деревянную лошадку. Я вытащил свой бортовой журнал и записал первые впечатления.

«Чердак кажется необитаемым, но я еще не заглядывал за шкаф. С той стороны осталась весьма значительная зона тьмы. Я только что обустроил временный лагерь на ящике. Это на расстоянии около метра от деревянной лошадки».

Клещами, которые я удачно сообразил захватить с собой, я вытащил из ящика гвозди. В нем были пластинки и граммофон. Я посмотрел на конверт одной из старых пластинок на 33 оборота. Сюиты И. С. Баха. Партия виолончели: Максанс Азар. Я поднял глаза на фотографию:

– Так вы, значит, вот кто, – прошептал я, как будто мне его только что представили.

Мне показалось, или глаза его как будто блеснули еще ярче, а улыбка стала еще более желчной? Я подумал, что слишком долго его разглядывать сейчас не стоит.

В конце концов, меня призывали иные горизонты.

– Шкаф, – молвил я вполголоса.

Чтобы добраться до него, мне пришлось переступить через карнизы для штор и рулоны линолеума. Рюкзак натирал плечи. На миг я присел – выпить глоток воды. С собой я захватил всего одну флягу. Придется экономить воду? Я читал об этом в книгах, там это было самым главным для исследователя.

– Заперт на ключ, – заключил я, наконец добравшись до шкафа.

И никаких следов ключа. Я записал:

«Я на время отказываюсь от исследования шкафа. Окрестности необитаемы. Замечены: детский стульчик, серая детская коляска, большая картонная коробка для шл...»

Я отложил бортовой журнал, открыл коробку, потом записал:

«...яп, в которой лежат фата новобрачной и букет белых цветов».

Стоило мне прикоснуться к цветам, как они тут же рассыпались в прах, и мое сердце сжалось от тоски. Я почувствовал, что в эту ночь мне не продвинуться дальше.

«Возвращение на базу. Час ночи».

Но что этот мальши делает совсем один в этот час? У него такой внимательный взгляд. Он смотрит на человека, который не знает, что его разглядывают. По аллее приближается Максанс.

– До свидания, – говорит женщина. Вся в белом, она больше похожа на привидение, чем на невесту. – Мы уезжаем ненадолго.

– Поторопись же, Мята, – нетерпеливо говорит Максанс, – ох уж эти капризы.

Автомобиль. Роскошная машина кроваво-красного цвета. Надо, чтобы мальши заговорил, он должен сказать: «Не садитесь в машину!» Он не произносит ни слова, и автомобиль отъезжает. «Да не плачь ты, – говорит мой дедушка. – Завтра они вернутся».

– Мама!

Задышавшись, я сел в постели и увидел дыру в потолке. Люк! Я не захлопнул его. Прошлого не должно разговаривать с настоящим. Оставим мертвых мертвецам, а живые... Я сворачиваюсь клубочком под одеялом, стуча зубами. Не пойду больше на чердак, больше не пойду.

На следующий вечер я залез туда опять, прикипев к этой игре, превратившей меня в исследователя. Портрету моего отца я лишь слегка кивнул и сразу направился к шкафу. Клещи, плоскогубцы, отвертка, линейка, нож, ногти и зубы – все пошло в ход, пока древесина вокруг замка не рассыпалась в прах. Дверь распахнулась настежь, и я отпрянул в ужасе. Повешенный!

«При ближайшем рассмотрении это оказался черный костюм для торжественных случаев, – написал я трепещущей рукой, – такой, видимо, называют «фраком»; над ним на верхней полке стоял цилиндр».

Нервы были так напряжены, что я не надеялся снова заняться исследованиями. И все же мне надо было добраться до этажерки у противоположной стены. Пошатываясь, я прошел весь чердак и уцепился за этажерку. На ней стояло видимо-невидимо игрушечных автомобилей марок «Динки тойс»: «Аронд», «Бьюик», «ДС» и «Дофин». Одна из игрушек, ярко-красная, привлекла мое внимание. Это была машина моего отца: «Альфа Ромео Джульетта». Она стояла на книге в темно-синем кожаном переплете с золотым обрезом. Можно было прочесть название: «Братья Тэмптон». Я открыл рюкзак и с трепетным возбуждением осквернителя могил сунул в него и машинку, и книгу.

«Отход через слуховое окошко в 23.40. Путь загораживают две скамейки типа “школьные”».

Перешагнув через них, я оказался под самым слуховым окном. Тут я мгновенно почувствовал, как сильно хочу вырваться из духоты чердака и вдохнуть свежий ночной воздух. Нет ничего проще: мне было достаточно вскарабкаться на ящик, оттянуть маленький засов и, отворив окно, закрепить его, подложив железный брусок, как раз для этого и предназначенный.

Я сразу ощутил порыв свежего ветра. Мне показалось, что звезды сияют ярко как никогда. Я стоял на краю неба. Легкий шум сзади заставил меня вздрогнуть. Я направил луч фонарика на люк и потом быстро обвел весь чердак. Нет, ничего. Я спрыгнул с ящика, на который забрался, и обследовал его содержимое. Книги и вырезки из газет. Мой взгляд упал на одну статью, обведенную красной ручкой: «Музыкальный мир потерял одного из лучших исполнителей. Прошлой ночью виолончелист Максанс Азар вместе с супругой стали жертвами трагического...»

На сей раз сомневаться не приходилось – этажом ниже кто-то ходил. Я погасил фонарик. Дедушка? Кто ж еще, больше и некому. Марта слишком боялась меня. Но я тщетно вслушивался, не различая знакомых «тук, тук» трости по полу. Может, он ее поставил? Тишина. Я слушал всеми нервами, натянутыми так, что вот-вот порвутся. Шорох. Что он делает? Что там происходит? Кажется, до меня доносится прерывистое дыхание. Господи, да скорей бы хоть что-нибудь произошло! Пусть явится наконец привидение, грабитель, кто угодно, только не это ожидание, от которого я вот-вот потеряю рассудок. Весь чердак сотрясся от страшного удара: это упала и захлопнулась крышка люка. Мысли проносились в мозгу с молниеносной скоростью: я не заперт, потому что люк открывается внутрь. Но что ждет меня с той стороны? У меня есть нож, молоток. Я смогу себя защитить. Будь он здесь, встань прямо передо мной, – я бы не испугался его.

«Взятый врагом в окружение, я решил разбить лагерь под слуховым окном и приступить к экспертизе моих недавних открытий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.